

praktičeskij opyt «InterKarto-InterGIS – 18». – Smolensk, iz-vo SGU, 2012. pp. 276–280. (in Russian).

3. *Belozеров V.S. Cherkasov A.A. Chihichin V.V.* Atlas rasselenija narodov Rossii: podhody i osobennosti sozdanija [Atlas resettlement of peoples of Russia and especially the creation of approaches] // Vestnik SKFU № 6(39). – Stavropol': iz-vo SKFU, 2013. Pp. 31–36. (in Russian).

4. *Belozеров V.S. Cherkasov A.A.* GIS-monitoring jetnicheskikh processov v Rossii [Atlas resettlement of peoples of Russia and especially the creation of approaches] // Sovremennaja nauka i innovacii. – Stavropol', 2013. № 1. Pp. 157–161. (in Russian).

5. *Tikunov V.S., And Belozеров V.S., Shitova N.A. Panin A.N., Cherkasov A.A.* Geoinformational monitoring: a tool for spatial-temporal analysis of migration of population // Bulletin of Moscow University, Series 5, Geography, № 2. – M., 2015. Pp. 33–39. (in Russian).

6. *Cherkasov A.A.* Monitoring jetnicheskikh aspektov urbanizacii v Rossii na osnove GIS-tehnologij [Monitoring of the ethnic dimensions of urbanization in Russia on the basis of GIS technologies] // avtoreferat dissertacii kand. geogr. nauk. – Stavropol', 2013. (in Russian).

7. *Belozеров V. Tikunov V. Cherkasov A. Ibrahimov A. Caliskan V.* Geoinformation technologies in the study of ethnic aspects of urbanization in Russia // Geography, environment, sustainability. – 2013. – № 4(6). – Pp. 19–30.

8. *Tomlinson, R.* Thinking about GIS: geographic information system planning for managers. – Redlands; California: ESRI Press, 2003. – 325 p.

УДК 314.743

С.В. Рязанцев¹

РУССКОГОВОРЯЩИЕ СООБЩЕСТВА КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: СТАТИСТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ

***Резюме.** В статье рассматриваются особенности эмиграции из Российской Федерации на протяжении 1990–2010-х годов, то есть после распада СССР. Выявлены особенности современной системы учета эмиграции из России и даны реальные оценки численности российских эмигрантов на основе корректировки данных Федеральной службы государственной статистики с данными стран, принимающих российских мигрантов. Выявлены географические особенности расселения эмигрантов из России, а также факторы, способствующие формированию русскоговорящих сообществ за рубежом. Выявлены шесть видов идентичности, которая позволяет дать примерные оценки численности русскоговорящих сообществ. В статье обосновывается термин «русскоговорящие сообщества» вместо термина «русская диаспора», что подкрепляется результатами эмпирических статистических и социологических исследований. Русскоговорящие сообщества рассматриваются как фактор в перспективе способный обеспечить устойчивое функционирование и развитие российской экономики и государства. Однако, сделан вывод о том, что в настоящее время ресурс русскоговорящих сообществ недооценен российским государством, а диаспоральная политика пока неэффективна.*

***Ключевые слова:** Россия, статистика, эмиграция, русскоговорящие сообщества.*

Введение. В условиях глобальных миграций фактор диаспоры становится важным элементом обеспечивающим устойчивое развитие любого государства. Согласно данным озву-

¹ Член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра демографии Института социально-политических исследований РАН; e-mail: riasan@mail.ru.

ченным первым заместителем Генерального секретаря ООН Я. Элиассоном: «В настоящее время большинство стран являются одновременно странами происхождения, назначения и транзита мигрантов. Например, в России проживают 12 млн. иммигрантов, около 11 млн. россиян являются эмигрантами в других странах мира» [Пресс-конференция..., 2016]. Русские проживающие за рубежом являются сегодня второй по численности диаспорой после китайской, представляя собой значительный социально-демографический ресурс развития российского государства, который может быть использован при правильном подходе в интересах устойчивого развития России.

Однако, каким термином лучше называть эмигрантов из России и граждан России, проживающих за границей? Можно ли использовать термины «русская диаспора» или «российская диаспора»? Широкая трактовка «диаспоры» сводится к рассмотрению таковой как этнической группы, проживающей вне исторической родины или основного ареала расселения. При этом не имеет принципиального значения степень самоорганизации и этнической самоидентификации людей, составляющих диаспору [Авксентьев и др., 1997].

Иной подход (узкая трактовка термина «диаспора») предполагает наличие институциональных структур, которые помогают ее представителям сохранять этническую, языковую и культурную идентичность. Например, С. Джанозян считает диаспорой этническую группу, существующую на протяжении нескольких поколений, сохраняющую родной язык, элементы собственной культуры и традиций [Джанозян, 2015]. В совместной статье отечественных социологов Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыковой под диаспорой понимается «устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущая за пределами своей исторической родины (вне ареала расселения своего народа) и имеющая социальные институты для развития и функционирования данной общности» [Тощенко и др., 1996]. В другой работе Ж.Т. Тощенко понимает под «диаспорой» устойчивую совокупность людей единого этнического происхождения, живущих в ином этническом окружении за пределами своей исторической родины (или вне ареала расселения своего народа), имеющих социальные институты для развития данной национальной общности [Тощенко, 1997]. При этом «маркерами» диаспоры он считает пребывание этноса за пределами страны происхождения, отрыв от исторической родины, сохранение национальной самобытности и содействие ее развитию, устойчивость к ассимиляции, наличие организационных форм своего существования, осуществление социальной защиты своих членов [Тощенко, 1997]. Это определение, однако, не отражает некоторые другие характеристики диаспоры, например, культурные и психологические особенности этнической общности. Отечественный демограф А.Г. Вишневецкий добавляет к «маркерам» диаспоры рассеяние по отношению к родине, коллективную память и мифологизацию утраченной родины, возвратную миграция (репатриация), чувство солидарности с этническими собратьями [Вишневецкий, 2000]. Американский социолог М.Дж. Эсман считает, что диаспора – это этническое меньшинство, проживающее вне страны происхождения, но сохраняющее с ней те только эмоциональных и сентиментальных, но и политических связей [Esman, 1990]. В другой работе он же отмечает, что члены диаспоры особым образом воспринимают свое положение в отрыве от родины и эмоциональную связь с ней, а также подчеркивает возможность влияния диаспоры на экономические и политические события, как в стране пребывания, так и в стране происхождения [Esman, 1990]. Отечественный ученый В.И. Дятлов понимает под диаспорой «особый тип человеческих взаимоотношений, специфическая система формальных и неформальных связей, жизненных стратегий и практик людей, основанных на общности исхода с «исторической родины», на усилиях по поддержанию образа жизни в «рассеянии» – в качестве национального меньшинства в иноэтничном обществе» [Дятлов и др., 2009].

В советские времена государство пыталось жестко ограничивать выезд за рубеж не только на постоянное место жительства, но и значительно регламентировало временные поездки населения за границу (туризм, командировки, деловые поездки, трудовую миграцию). Распад Советского Союза и падение «железного занавеса» кардинально изменили ситуацию – эмиграция как будто прорвала «плотину» – российские граждане и граждане стран бывшего

СССР устремились в различные государства мира в самых разных формах. Причем то, что эмиграция после распада СССР значительно возросла было понятно по косвенным источникам (прежде всего, по данным о количестве иммигрантов в принимающих странах), а отечественная статистика почему-то фиксировала совершенно противоположную тенденцию – сокращение численности эмигрантов. Подобная «слепота» отечественной статистики была обусловлена использованием прежних методов учета эмиграции применительно к существенно разнообразившимся ее формам.

Многие российские граждане эмигрировали, сохраняя жилье и регистрацию по месту жительства (иными словами «прописку») и оставались абсолютно незаметными для государства с точки зрения эмиграции. Государство упорно продолжало фиксировать и считать эмигрантами только тех, кто снялся с регистрационного учета по месту жительства в России. А между тем, многие российские граждане приобретали недвижимость и фактически большую часть времени жили за границей, сохраняя жилье и «прописку» в России. Многие российские граждане работали за рубежом, имея контракты различной продолжительности, а некоторые выезжали по туристическим визам и потом искали работу за границей. К первой категории, как правило, относились высококвалифицированные специалисты и ученые, которые трудоустраивались через официальные контракты, ко второй – российские граждане, искавшие работу по неформальным каналам. Кроме того, распространенными каналами эмиграции стали брак россиянок с иностранцами, иностранные усыновления детей, выезд студентов на временную работу с последующим пребыванием в стране, а также выезд пенсионеров на проживание в другом государстве. Все эти формы эмиграции современная российская статистика как будто бы не замечает и не фиксирует. Поэтому, будучи масштабным и значимым с точки зрения социально-демографических последствий феноменом для общества, эмиграция из России остается для российского государства лишь частично осязаемой.

Отсутствие достоверной информации о масштабах и характеристиках эмигрантов, а также четкой стратегии к эмиграции и русскоговорящим общинам, порождало соответствующее отношение российского государства к эмиграции и эмигрантам. В советские времена эмиграцию государство рассматривало по принципу «Нет человека – нет проблемы». В лучшем случае о покинувших страну эмигрантах не упоминалось, а в худшем – они считались «предателями родины». После открытия «железного занавеса» и начала массовой эмиграции пренебрежение государства сменилось безразличным отношением к эмигрантам как потерянному демографическому и экономическому ресурсу. Даже российские граждане, оказавшиеся за границей в трудной ситуации, не всегда могли получить помощь и поддержку государства.

Постепенно, с середины 2000-х гг., российское государство перешло к налаживанию диалога с «диаспорой» – с 2007 г. начала действовать специальная программа возвращения соотечественников в Россию, стали проводиться конгрессы соотечественников, создавались организации по их поддержке. Но в принципе государство не имеет представления о реальных масштабах и структуре эмиграционных потоков из России. Практически ничего неизвестно о формах и каналах эмиграции, стратегиях поведения эмигрантов и ориентирах их на возвращение в Россию. В государственных документах всех, имеющих отношение к России называют уже устоявшимся термином «соотечественники» без дифференциации на категории, а, следовательно, применяются общие формы работы. Между тем «соотечественники» очень разнообразный феномен, который включает эмигрантов различных волн и нескольких поколений, родившихся в принимающих странах, в разной степени владеющих русским языком, с разными ориентациями на Россию.

Материалы и методы исследования. Источники информации об эмиграции из России можно разделить на две категории. Первая категория – данные об миграционных потоках из России, а вторая категория – данные о численности (контингентах) русскоговорящего населения в принимающих странах. Первая категория характеризует масштабы процесса эмиграции, а вторая – результат эмиграции.

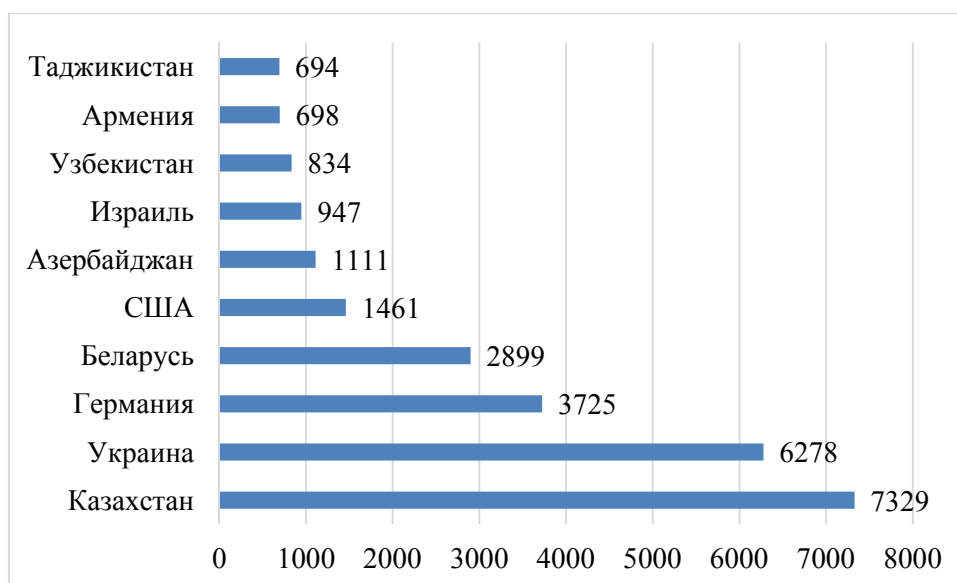

Рис. 1. Основные направления эмиграции из России в 2010 г. (данные Росстата), человек

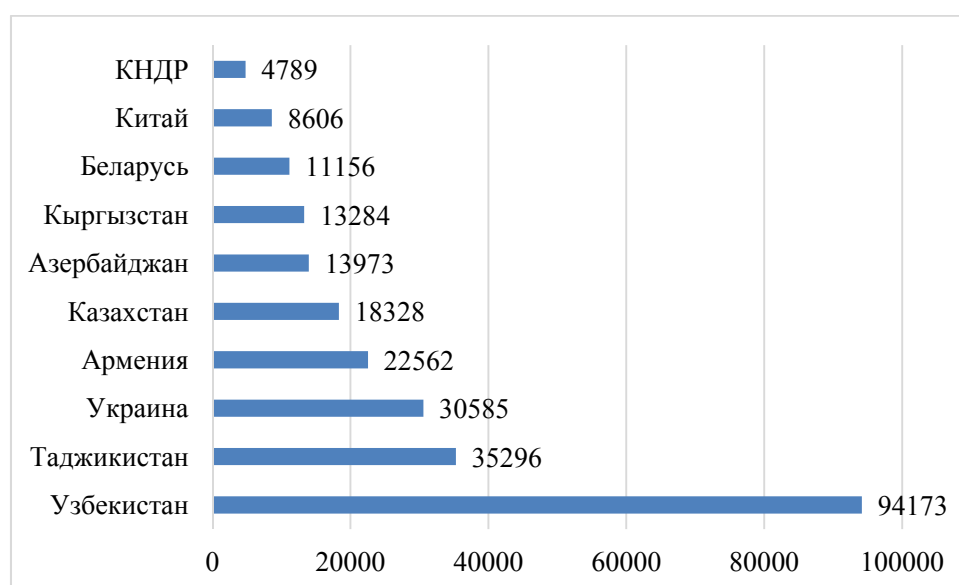

Рис. 2. Основные направления эмиграции из России в 2014 г. (данные Росстата), человек

Сведения об эмиграционных потоках представлены как в России, так и за рубежом. Первый источник – данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата). Они показывают численность эмигрантов из России, выехавших на постоянное место жительства за рубеж на основе данных о снятии с регистрационного учета по месту жительства. Данные публикуются в сборнике «Численность и миграция населения Российской Федерации» и «Демографический ежегодник России». В эти цифры долгое время не попадали временные трудовые и учебные мигранты. В 2011 г. были изменены условия учета иностранных граждан в России, которые «бумерангом» нарушили статистику об эмиграции российских граждан. С 2011 г. в статистику об эмиграции стали автоматически попадать сведения об истечении срока регистрации иностранных граждан, находившихся в стране более 9 месяцев. В результате чистая статистика об эмигрантах из России была «дополнена» и соответственно серьезно искажена иностранными гражданами. И если по итогам 2011 г. эта порча данных была еще незначительной, то в 2012 г. она кардинально нарушила данные о эмиграции. Например, в 2010 г. (действовала старая система учета эмигрантов) из России в Узбекистан эмигрировало только 834 человека, то в 2011 г.

(новая система) – уже 2207 человек, а в 2014 г. 94173 человек. Совершенно очевидно, что Узбекистан не мог стать таким популярным направлением русской эмиграции всего за два-три года. В данном случае речь идет об узбекистанских гражданах, снятых с миграционного учета. Данная неразбериха с эмиграционной статистикой совершенно перевернула список стран – основных направлений эмиграции. Если по итогам 2010 г. в перечне лидеров находились Казахстан, Украина, Германия, Беларусь, США, то в 2014 г. новыми направлениями эмиграции российских граждан вдруг стали Узбекистан, Таджикистан, Украина, Армения, Китай. Новый список стран-лидеров по постоянной эмиграции стал удивительно напоминать в зеркальном отражении список стран-основных поставщиков временных трудовых иммигрантов в Россию.

В этой статистической «неразберихе» для оценки реальных направлений эмиграции из России разумнее брать государства, расположенные за пределами бывшего СССР, поскольку как показывают социологические опросы, эмиграционные ориентиры большинства российских граждан устремлены отнюдь не в страны СНГ. Данный факт подтверждают исследования общественного мнения. В частности, опросы РОМИР,¹ проведенные по единой методике в 2005 и 2012 гг. зафиксировали устремления российских граждан на эмиграцию именно в страны «дальнего зарубежья». Правда, если в 2005 г. около 19% городских жителей России хотели эмигрировать, то в 2012 г. их доля составила уже около 31%. При этом географические приоритеты эмиграции россиян стали более разнообразными. Например, в 2005 г. более половины опрошенных россиян (51%) хотели эмигрировать в европейские страны, 23% – в США и Канаду, 18% – в Австралию и Новую Зеландию. В 2012 г. при сохранении лидирующих позиции европейских стран (37%), возросла роль Австралии и Новой Зеландии (23%), Японии и стран Юго-Восточной Азии, а также стран Латинской Америки (почти вдвое). Эмиграционные установки на США и Канаду среди россиян несколько сократились до 19% [Все больше россиян..., 2012]. Опираясь на данную логику можно выделить перечень стран наиболее популярных среди эмигрантов из России в 2014 г. по данным Росстата (рис. 3). Однако, нужно учитывать, что данные по Китаю, КНДР, Вьетнаму, Турции существенно «испорчены» трудовыми мигрантами, у которых истек срок регистрации, а по Индии – учебными мигрантами. И отделить четко в современной статистике их, к сожалению, не представляется возможным. Получалась парадоксальная ситуация, в России за счет улучшения статистики об иммиграции («досчет» временных мигрантов, пребывающих в стране более 9 месяцев) значительно ухудшилась статистика об эмиграции на постоянное место жительства за границу.

Второй источник сведений об эмиграции – *данные Федеральной миграционной службы России (ФМС)*, которая прекратила свое существование с июня 2016 г., войдя в состав МВД. Они показывали численность российских граждан, которые выехали для временного трудоустройства за границей. Сведения можно считать относительно доступными – они публиковались в сборнике «Мониторинг легальной трудовой миграции в России» (издавался до 2009 г.) и «Труд и занятость в России». Недостатком данного массива информации является учет только тех временных трудовых мигрантов из России, которые трудоустроились через официальные каналы (фирмы, имеющие лицензию ФМС на трудоустройство, а также непосредственно через ФМС). Однако, исследования показывают, что многие российские граждане в настоящее время находят работу за рубежом, минуя компании, имеющие лицензии на трудоустройство за границей. В результате масштабы временной трудовой эмиграции из России наверняка в разы выше, чем это показывали данные ФМС.

¹ В опросах принимали участие 1 тыс. респондентов в возрасте от 18 до 50 лет и старше, проживающие в городах с населением от 100 тыс. и больше, из 8 федеральных округов. Выборка репрезентирует взрослое, экономически активное городское население России (http://romir.ru/studies/390_1348084800/).

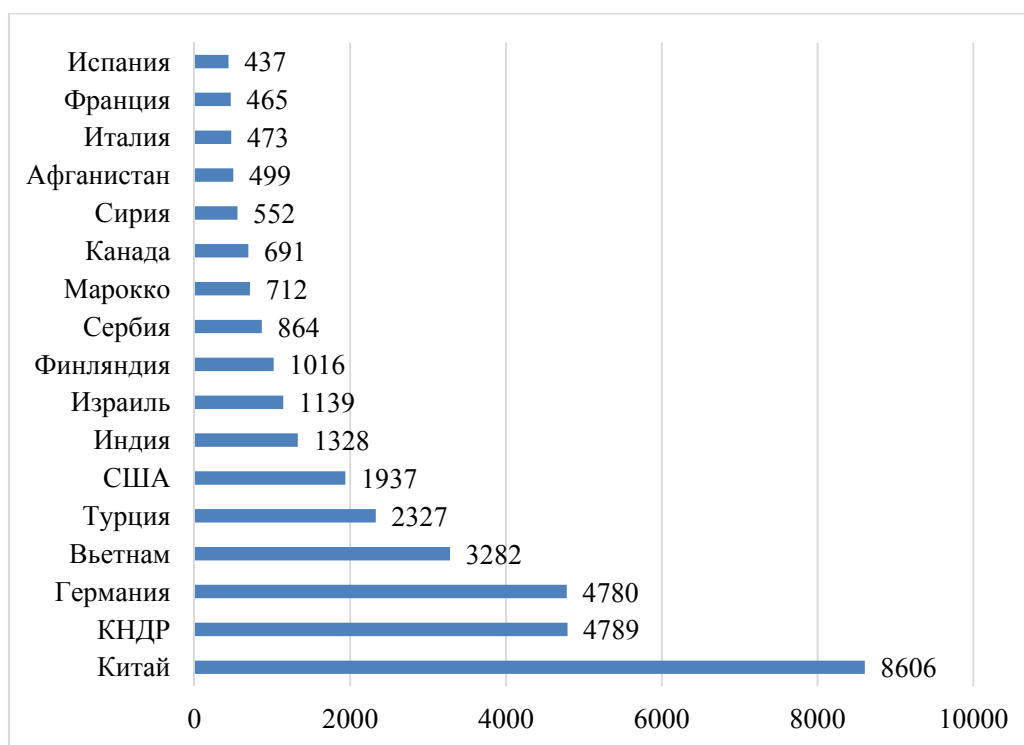

Рис. 3. Основные направления эмиграции из России в страны за пределами бывшего СССР в 2014 г. (данные Росстата), человек

По этим данным временная трудовая эмиграция из России составляла 60–70 тыс. человек в последние годы. В 2015 г. согласно данным ФМС немногим более 57 тыс. российских граждан выехали через официальные каналы на работу за границу. Большая часть российских временных трудовых эмигрантов направляется на работу в Америку и Европу. В последнее время все заметнее присутствие россиян на рынках труда в Азии, Австралии и Латинской Америке (это «новые» направления трудовой эмиграции россиян). Основными странами трудоустройства россиян являются Либерия, Кипр, Маршалловы острова, Нидерланды, Мальта и др. Большинство из этих государств являются странами с «дешевыми флагами», к которым приписаны морские суда, были или остаются офшорами, позволяют в упрощенном порядке приобретать недвижимость и вкладывать капитал, что привлекает россиян. Страны СНГ на фоне государств «старого» зарубежья пользуются гораздо меньшей популярностью у россиян, хотя трудовая миграция в них тоже присутствует в небольших объемах (224 человека в 2015 г.). Сопоставление зарубежных и отечественных данных по трудовой миграции россиян за границу свидетельствует о том, что миграция из страны была как минимум в 2 раза больше (по некоторым странам в отдельные годы еще больше). Поэтому реальные масштабы временной трудовой эмиграции из России на порядок выше – по нашим оценкам они составляют, как минимум, 150–200 тыс. человек ежегодно.

В региональном отношении в трудовую эмиграцию в большей степени вовлечены жители приграничных регионов Российской Федерации. Расчеты показывают, что доля трудовых эмигрантов в занятом населении на региональном уровне максимальна именно в приграничных регионах: Приморской и Хабаровском краях, Краснодарском крае, Карелии, Калининградской и Ленинградской областях. Причем сложились устойчивые «миграционные коридоры»: жители регионов Дальнего Востока преимущественно ориентированы на работу в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (Японии, Корее, Китае, Австралии, странах Юго-Восточной Азии); мигранты из регионов Северного Кавказа в основном выезжают в страны Ближнего Востока (Турцию, ОАЭ, Кипр, Израиль и пр.); жители северо-западных приграничных районов – в государства Скандинавии (Норвегию, Швецию, Финляндию); мигранты из Европейской части России стремятся на работу в Европу, США, Канаду.

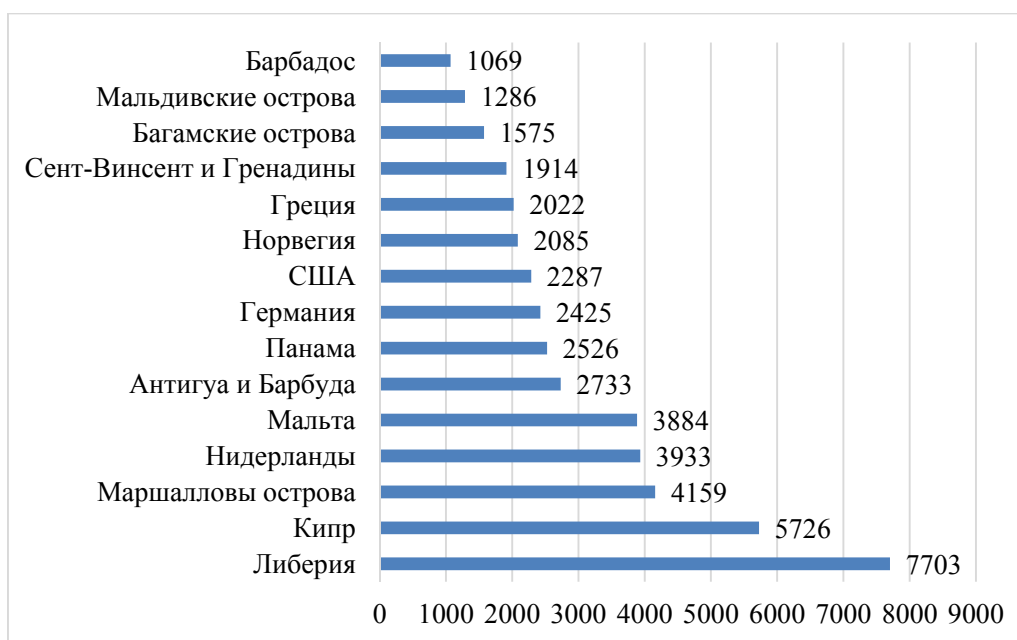

Рис. 4. Основные направления временной трудовой эмиграции из России в страны за пределами бывшего СССР в 2015 г. (данные ФМС), человек

В большинстве своем трудовые мигранты из России – мужчины. Третья часть (35%) трудовых мигрантов – люди в молодом возрасте от 16 до 29 лет. Четвертая часть (26%) – в возрасте от 40 до 49 лет. Пятая часть (21%) – от 30 до 39 лет. Это свидетельствует о том, что на международном рынке труда востребованы молодые люди. Особенно заметен этот перекося у женщин – трудовых эмигрантов из России, большинство их которых относится к молодым возрастным группам. За рубежом наиболее востребованными являются россияне со средним специальным (профессиональным) образованием – это примерно 40%-50% от всех выехавших по контрактам за рубеж. Российские работники за рубежом с высшим образованием составляют примерно треть миграционного потока. На международном рынке легче всего трудоустраиваются россияне, имеющие рабочие специальности – около половины трудового миграционного потока, в первую очередь связанные с судоходством и рыболовством. На них приходится приблизительно половина от всех рабочих специальностей. Примерно четверть всех трудоустроенных по контрактам за рубежом – специалисты в технической сфере и области искусства и культуры. Шестая часть потока трудовых мигрантов – руководители. Анализ данных российской статистики показывает, что 64% мигрантов работали в транспортной отрасли до переезда из России, 65% трудовых эмигрантов сохранили свою специализацию и также работали в транспортной отрасли в принимающих странах. В большинстве своем, это моряки и технический персонал морских судов. Временная трудовая миграция также имеет тенденцию к переходу в постоянную миграцию – многие трудовые мигранты остаются на постоянное место жительства в принимающих странах.

Четвертый источник – данные национальной статистики стран, принимающих основные потоки мигрантов из России. Эти данные публикуются национальными службами принимающих стран. Однако, в некоторых государствах по-прежнему используется категория «граждане бывшего СССР», хотя такой страны нет уже более 20 лет. На международном уровне эти сведения систематизируются и публикуются Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) ежегодно в сборнике «Обзор миграции». Эти сведения доступны по следующим категориям: численность эмигрантов из России в ежегодной динамике (миграционные потоки); численность российских граждан, получивших гражданство принимающих стран в ежегодной динамике; численность людей, родившихся в России, но проживающих на территории принимающей страны в ежегодной динамике; численность гражд-

дан России, проживающих за рубежом в ежегодной динамике. Парадоксально, но данные зарубежной статистики фиксируют большую численность россиян за границей и более адекватно отражают масштабы явления российской эмиграции. Наиболее системным источником информации можно считать доклад Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), который обобщает сведения по большинству экономически развитых стран и некоторым развивающимся странам. Доступны три вида данных по гражданам России: в общих миграционных потоках, в потоках соискателей убежища, в динамике получения гражданства принимающей страны. Однако перечень стран варьируется в каждой из указанных категорий. В Израиле по-прежнему собираются данные по категории «граждане бывшего СССР». Отмечу, что наиболее значительным миграционный приток граждан России в 2013 г. согласно национальным данным отмечался в Германию, Испанию, Израиль, Францию, Австрию и ряд других европейских стран. Сопоставление данных зарубежных стран с российскими показывает, что они в разы выше. Например, по Испании – в 22 раза, по Франции – в 14 раз, по Германии – в 8 раз.

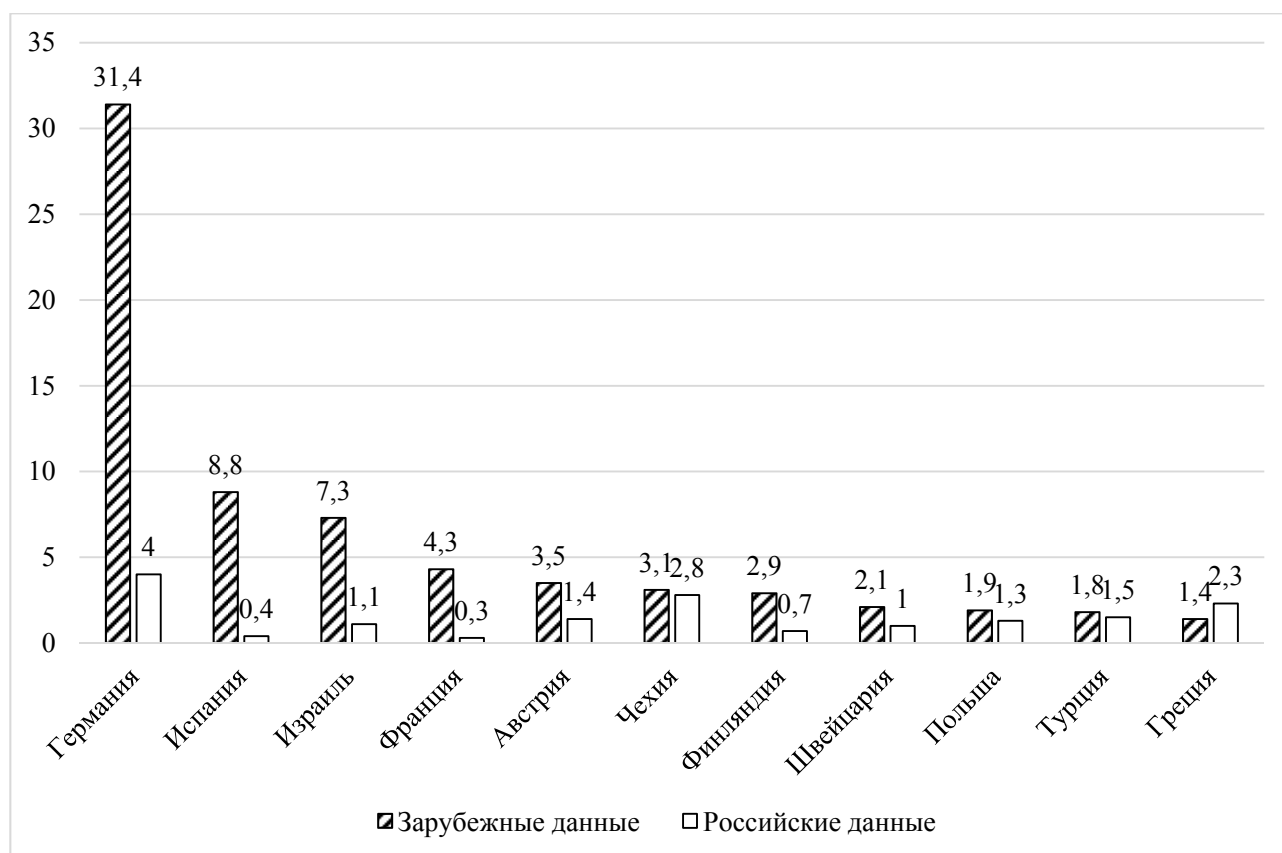

Рис. 5. Миграционные потоки из России в страны за пределами бывшего СССР в 2013 г. (сопоставление российских и зарубежных данных), тыс. человек [International Migration Outlook, 2015]

Примечание: данные по Турции и Греции доступны только за 2010 г.

Данные по въезду российских граждан в США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию, Великобританию не отражаются в докладе ОЭСР, скорее всего, по причине их незначительности на фоне миграционных потоков из других стран. Но для России масштабы эмиграции в эти государства значительны. Например, по данным службы безопасности США в 2014 г. около 9 тыс. человек, родившихся в России, получили законный статус постоянного жителя страны. Это составило всего 0,9% от всех иммигрантов в США (страна в 2014 г. приняла 1017 тыс. иммигрантов). Аналогичное сопоставление американских и российских данных показывает превышение первых над вторыми в 5-7 раз.

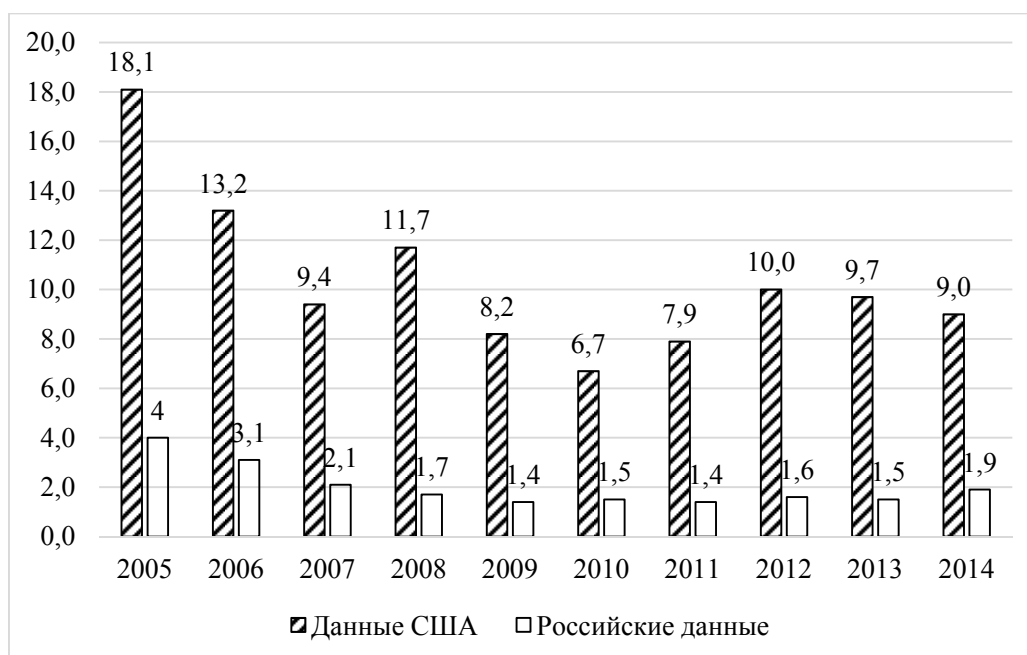

Рис. 6. Миграционные потоки из России в США в 2005-2014 г. (сопоставление российских и американских данных), тыс. человек [Yearbook of Immigration Statistics: 2014]

Наши расчеты показывают (с учетом описанных выше ограничений), что по данным российской статистики за период с 1991 по 2015 гг. Россию покинуло около 5,3 млн. человек (табл. 1). Однако, если данные скорректировать на основе статистики принимающих государств, то данную цифру следует увеличить как минимум в 2 раза, т.е. масштабы эмиграции из России могли составлять не менее 10–11 млн. человек за указанный период.

Таблица 1

**Динамика эмиграции из Российской Федерации за границу в 1991-2015 гг., человек
[Численность и миграция населения..., 2016]**

	Выезд на постоянное место жительства	Выезд на временную работу	Общая эмиграция
1991 г.	88 281	Нет данных	88 281
1992 г.	102 910	Нет данных	102 910
1993 г.	493 119	Нет данных	493 119
1994 г.	345 623	8 083	353 706
1995 г.	347 338	11 176	358 514
1996 г.	291 642	12 290	303 932
1997 г.	232 987	21 121	254 108
1998 г.	213 377	32 507	245 884
1999 г.	214 963	32 717	247 680
2000 г.	145 720	45 760	191 480
2001 г.	121 166	45 759	166 925
2002 г.	106 685	49 265	155 950
2003 г.	94 018	47 637	141 655
2004 г.	79 795	56 290	136 085
2005 г.	69 798	60 926	130 724
2006 г.	54 061	65 747	119 808
2007 г.	47 013	69 866	116 879
2008 г.	39 508	73 130	112 638
2009 г.	32 458	66 285	98 743
2010 г.	33 578	70 236	103 814

2011 г.	36 774	67 549	104 323
2012 г.	122 751	64 370	187 121
2013 г.	186 382	58 093	244 475
2014 г.	308 475	58 093	308 475
2015 г.	353 233	57 138	410 371
Итого	4 161 655	1 074 038	5 235 693

Примечание: * – данные за январь-ноябрь 2015 г.

Российское государство имеет весьма приблизительное представление и не имеет единого источника информации о численности русскоговорящих сообществ. Россотрудничество – федеральное агентство по работе с соотечественниками, проживающими за рубежом, полагает, что за пределами Российской Федерации проживают около 30 млн. человек, чьей исторической родиной является Россия [Программа работы ..., 2014]. Полагаем, что наиболее реалистичной представляется численность русского и русскоговорящего населения за пределами России около 25-30 млн. человек. Это означает, что русскоговорящие сообщества находятся на втором месте в мире после китайской диаспоры.

Для определения численности русскоговорящих сообществ, прежде всего, необходимо остановиться на основных принципах их идентификации (можно выделить «шесть кругов русской идентичности»).

Первый – *этнокультурная идентификация* – определяется в ходе переписей и опросов, когда людям предлагается идентифицировать себя с русской этнической группой (принцип самоидентификации). В переписном листе обычно задается вопрос об этнической или расовой принадлежности (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия). Преимуществом данного подхода является возможность охвата значительных групп русскоязычного населения, которые идентифицируют себя с таковыми на основе психологических, эмоциональных, исторических, культурных признаков. К недостаткам – потерю части русскоязычного населения, которое успешно интегрировалось в принимающих обществах и отказалось от русской идентичности по разным причинам. Наиболее показательным примером можно назвать США, в которых в 2000 г. называли себя русскими 2,6 млн. человек.

Второй – *географическая идентичность* – определяется по месту рождения в ходе переписей населения на основе вопроса «В какой стране Вы родились?». Данную статистику собирают некоторые страны, в том числе США, Канада, Австралия. Преимущество данного метода – четкая географическая связь с Россией. Но ключевым недостатком данной статистики является выпадение из нее русских, которые родились за пределами России (например, «харбинцы» родились, как правило, в Китае; или русские из стран бывшего СССР часто проходят как граждане Казахстана, Узбекистана, Украины и пр.). Например, в США в 2014 г. проживало 390 тысяч человек, чьим местом рождения является Россия, что составляет 0,9% от иммигрантов в США [State Immigration Data Profiles, 2014].

Третий – *языковая идентичность* – определяется в ходе переписей на основе признака использования русского языка дома или в ходе опросов – владение русским языком. В мире владеют русским языком за пределами России около 127 млн. человек [Программа работы ..., 2014]. Например, в США в 2010 г. 881 тыс. человек говорит на русском языке дома [Statistical Abstract of the USA, 2012]. Однако, последние волны эмигрантов из России очень хорошо интегрируются в принимающие общества, быстро изучают или улучшают знания языка, и порой уже в первом поколении мало отличаются от местного населения. Во-втором поколении многие потомки мигрантов из России не только говорят с акцентом на русском языке, но и не используют его дома, не интересуются ситуацией в России. А в третьем поколении и вовсе можно констатировать такой феномен как «угасание русского языка» [Рязанцев и др., 2014]. Например, руководитель русской общины в Аделаиде, Михаил Иванович, рассказывал: «Мой сын родился в Австралии. Он говорит со мной по-русски конечно. Но мои внуки вообще не говорят по-русски. Я пытаюсь с ними говорить. А они переходят на английский постоянно».

Четвертый – *гражданская идентичность* – определяется на основе наличия гражданства Российской Федерации. Фиксируется в ходе переписей населения некоторых стран мира. Преимущество данного метода – наличие четкого критерия – российского паспорта. Но ключевой недостаток заключается в том, что многие российские граждане постепенно переходят в гражданство принимающей страны и становятся потерянными для статистики. А кроме того, многие люди, сохраняют российский паспорт или получают российский паспорт для своих детей только для удобства перемещения в Россию. Среди российских граждан широкое распространение получило явление «многогражданства» (наличие нескольких паспортов). Вице-премьер по социальным вопросам правительства РФ О. Голодец в одном из интервью назвала цифру: «Около 817 тыс. наших сограждан имеют сейчас двойное гражданство, а еще 157 тыс. – вид на жительство в других странах. Итого – без малого миллион» [Лемуткина, 2015].

Пятый – *административная идентичность* – определяется на основе регистрации временно или постоянной проживающих граждан России за границей в российских консульских учреждениях (статистику ведет МИД России). Преимуществом данной статистики можно считать относительную легкость фиксации и четкие критерии учета российских граждан. Многие граждане России, проживающие за рубежом, обращаются в консульские учреждения для получения новых заграничных паспортов, получения свидетельств о рождении детей, заверения документов, запроса официальных справок, оформления доверенностей, участия в российских выборах. Но у многих российских граждан, проживающих за границей, отсутствует мотивация обращения и регистрации в отечественных консульствах. Данное обстоятельство признают и сами российские дипломаты. Поэтому основной недостаток данной статистики – охват исключительно тех граждан Российской Федерации, которые имеют мотивацию к регистрации в консульстве, и как следствие, существует их значительный недоучет. На официальном сайте МИД России сообщается, что в 2015 г. более 2 млн. российских граждан было зарегистрировано в консульских учреждениях за рубежом [Консульский департамент МИД России, 2016]. За последние десять лет численность зарегистрированных российских граждан увеличилась на полмиллиона – в 2006 г. на консульском учете за рубежом состояли 1,5 млн. российских граждан [МИД России, 2014]. Проведенные интервью показывают, что многие выходцы из России слабо ориентированы на общение с официальными представительствами российского государства за рубежом. Данная цифра представляется сильно заниженной.

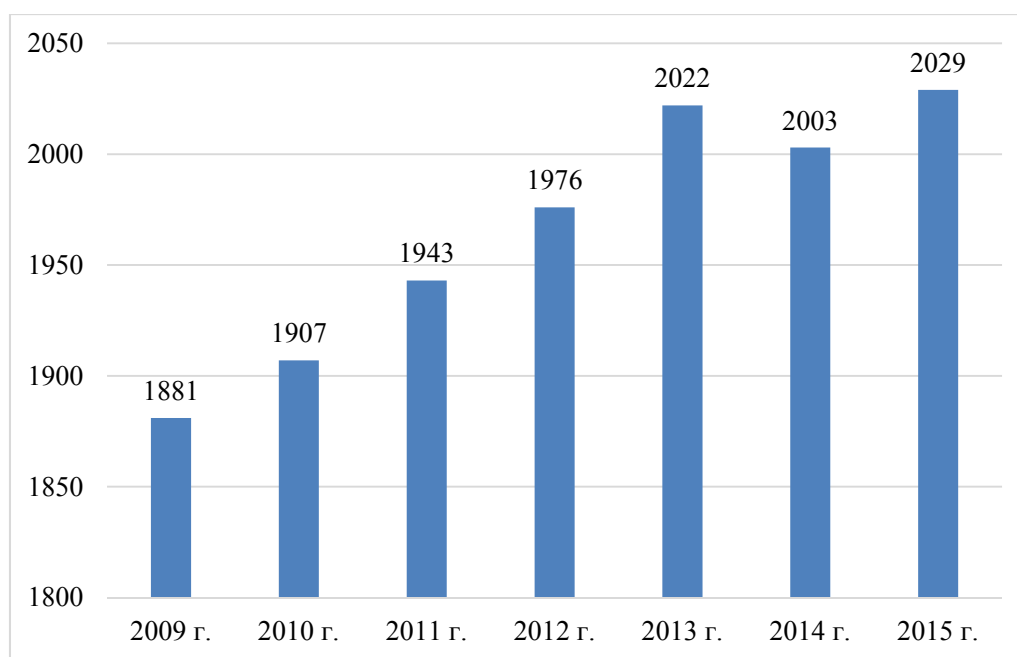

Рис. 7. Численность граждан России, зарегистрированных в консульских учреждениях за границей в 2009–2015 гг., тыс. человек [Консульский департамент МИД России, 2016]

Шестая – *религиозная идентичность* – может фиксироваться в переписях населения или на основе оценок численности прихожан русских православных церквей. Преимущество статистики – включает категорию населения, которая духовно ориентирована на православные духовные ценности как неотъемлемую часть «русского мира», русской культуры. Недостатки – существуют группы невоцерковленного русскоговорящего населения и атеисты (например, регулярное посещение церкви практически не свойственно молодым поколениям русскоговорящих сообществ); из статистики выпадают другие религиозные направления иммигрантов из России (например, мусульмане, буддисты, католики и пр.); также трудно учесть религиозные группы живущие изолированно (например, староверы); внутри православной церкви существует раскол, разделяющий прихожан между различными церквями (русская православная церковь и за рубежом); в статистику наоборот в эту у другие этнические группы исповедующие православие (греки, сербы, украинцы и пр.).

Необходимо также понимать, что не во всех странах существует возможность получить статистику по всему спектру данных критериев идентификации в силу особенностей проведения переписей населения, наличия источников информации в российских государственных структурах.

Результаты исследований и их обсуждение. Можно ли называть все многообразие эмигрантов из России, русских, россиян, граждан России, соотечественников каким-то одним собирательным термином: «русская диаспора» или «русскоговорящие сообщества»? Не претендуя на новое определение термина «диаспора», рассмотрим ее признаки применительно к русским, русскоговорящим и российским гражданам, проживающим за рубежом.

Во-первых, расселение за пределами страны происхождения, в иной этнокультурной среде. Даже этот, казалось бы, простой критерий, не работает в полной мере в случае русских, проживающих за границей. Значительная часть из них родилась в границах некогда единого государства – СССР. Они никуда и никогда не мигрировали с момента своего рождения, изменились только границы, которые отсекли их от Российской Федерации. Единственно после распада СССР в 1991 г. за пределами России оказалось примерно 25 млн. русских и представителей российских народов. Также около 2 млн. человек с «русскими корнями» на тот момент проживали в странах, не входивших в состав СССР. Таким образом, значительная часть «зарубежных» русских хотя формально и оказалась за пределами страны происхождения, но на самом деле никуда не перемещалась. Скорее переместились границы государства. Безусловно, значительная часть русских и российских народов (татар, башкир, удмуртов, чеченцев и др.) покинула в 1990-е гг. новые государства, переехав, прежде всего, в Российскую Федерацию.

Во-вторых, компактность проживания. Данный критерий практически не свойственен русским и представителям народов России. Как правило, они живут очень дисперсно и не стремятся к компактному проживанию. А в некоторых случаях, напротив, стремятся дистанцироваться от своих соотечественников. В большинстве своем «виноват» в этом высокий уровень образования выходцев из России. Многие из них имеют высшее образование, являются профессионалами и при выборе районов расселения ориентируются в большей степени на социально-экономический статус окружающего населения, чем этно-территориальный. Конечно, бывают исключения. Наиболее яркой эксклюзией можно считать русскоязычный район Брайтон-бич в Нью-Йорке, который начал формироваться как место компактного проживания евреев, эмигрировавших из СССР в 1970–1980-е гг. И принимавший в последствии представителей других волн иммигрантов из России. Но притягивал он не всех, а скорее менее успешных иммигрантов, плохо знавших английский язык и имевших низкие шансы для успешной адаптации на американском рынке труда. Профессионалы с высоким уровнем образования и степенью владения английским языком, несмотря на трудности, стремились расселяться вне этого «русскоязычного анклава», умышленно дистанцируясь от него. Выдержка из интервью эмигранта из России, ныне стоматолога в Нью-Йорке: *«На меня Брайтон-бич всегда производил тягостное впечатление. Какие-то странные люди там.*

Вроде и говорят по-русски, но какие-то не такие. Могу я туда пойти конечно, например, поесть в ресторане, но не люблю потом как-то болею психологически. Не знаю почему. И конечно же жить там я не смог бы, ни в коем случае». Менее ярко выражены русские районы в других американских городах. Выдержка из интервью с сотрудницей банка в Дэвисе (штат Калифорния), происходит из Молдовы, имеет американское гражданство: *«В Сакраменто есть так называемый русский район, там живет много выходцев из бывшего СССР. Но это в основном те, кто живет на социальные пособия, приехал и не может найти хорошей работы, плохо знают и не стремятся учить английский. Как правило, старшее поколение. Я там вначале жила, но потом вырвалась оттуда и переехала. Но мой бывший муж, он тоже из Молдовы, живет там. Его все устраивает и так. Но он не хочет учить английский язык. А меня не устраивало. Я хотела расти профессионально, училась дополнительно (банковскому делу), изучала английский язык. И очень рада, что вырвалась из этого района».* Массовый характер миграции в Германию привел к образованию определенных «русских» анклавов в немецких городах. Это обычно недорогие районы с социальным жильем, где через несколько лет эмиграции в Германию остались наиболее плохо адаптировавшиеся русскоговорящие эмигранты, но была создана инфраструктура, наиболее подходящая данной категории мигрантов [Что ждет Германия..., 2013].

Во-третьих, *сохранение формальных и неформальных связей между членами сообщества, которые направлены на сохранение языка, культуры и традиций исторической родины.* Иногда формальные и неформальные связи русскими за границей поддерживаются. Например, выдержка из одного интервью бывшей российской гражданки, вышедшей замуж за бразильца: *«Я нашла через социальные сети соотечественниц в моем городе. Они вышли замуж за местных бразильцев. Большинство из России, есть девушка из Беларуси. Мы встречаем один раз в неделю, как правило. Пьем кофе, общаемся, ходим по магазинам вместе. Иногда хочется поговорить по-русски».* Более консервативными в сохранении русской культуры и традиций можно являются религиозные группы староверов, оказавшая волею судеб в некоторых регионах мира. Например, в Бразилии (штат Гойяс), Уругвае и США (штат Орегон). Эти «островки» русской культуры также подвержены влиянию глобализации и интеграции. Молодежь, несмотря на прессинг предыдущих поколений, все чаще использует интернет, электронные средства коммуникации, постепенно изменяет образ жизни, мало интересуется ситуацией в современной России.

В-четвертых, *наличие действенных институтов внутри данного сообщества, отстаивающих интересы, способствующих адаптации и интеграции мигрантов, развивающих отношения со страной происхождения.* Несмотря на существование различных Ассоциаций российских соотечественников в ряде стран, никаких институциональных или организационных структур среди русскоговорящих общин не существует. Большинство существующих организаций направлено на сохранение культурных особенностей и традиций России за рубежом. Практически не существует организаций, направленных на адаптацию русскоговорящих мигрантов в принимающие общества и их дальнейшую поддержку. Существующие в настоящее время в 80 странах мира российские центры науки и культуры ориентируются на поддержание культурных контактов с соотечественниками, проживающими за рубежом, не привнося в свою деятельность политический или экономический аспекты.

В-пятых, *эмоционально-психологическая, социально-экономическая и политическая ориентация этнического сообщества на страну происхождения, а также «мифологизация» этнической родины.* На фоне ярких примеров китайской, армянской, еврейской и других диаспор, имеющих не просто тесную эмоционально-психологическую связь, но также мощное социально-экономическое и политическое взаимодействие со страной происхождения, русскоязычные общины значительно проигрывают. Несмотря на то, что многие представители русских и российских народов, проживающие за рубежом, эмоционально ориентированы на Россию: посещают родственников, слушают российские новости, имеют друзей и знакомых в России, даже иногда принимают участие в российских выборах и пр. Тем не менее, в сознании многих людей с «русскими корнями» существует стремление дистанцироваться от России и

СССР, они не особенно стремятся вести бизнес с российскими партнерами, часто пытаются перевести в страну своих родных и близких, а иногда и прямо критикуют российское общество и власть. Причин тому несколько, но главные из них заключаются в том, что многие эмигранты покинули Россию по политическим или социально-экономическим причинам. Кроме того, негативный образ России поддерживается за рубежом некоторыми средствами массовой информации и препятствует сохранению политической ориентации на родину. Также само государство их происхождения долгое время рассматривало эмигрантов как «предателей родины», не поддерживало русскоговорящие общины на государственном уровне, не способствовало развитию контактов с ними. В результате «мифологизация» России как этнической родины явление крайне редкое в русскоговорящих общинах и свойственное, как правило, таким социально-демографическим группам из волн «старой эмиграции» как «харбинцы» (русские из Китая) и «староверы» (русские в странах Латинской Америки, США).

В-шестых, *стремление влиять на политическую и социально-экономическую сферы жизни стран пребывания в интересах страны происхождения («этнический лоббизм») абсолютно не свойственно русским, проживающим за границей.* Возможность влиять на политическую и экономическую ситуацию в принимающих странах возникает в ситуации формирования четких коллективных интересов. У русских такие интересы, как правило четко не сформулированы. А российское государство долгое время никак не поддерживало сами русскоговорящие общины за границей, а после начала программ поддержки соотечественников и до сих пор не сформулировало четких стратегий взаимодействия с ними, а иногда предпринимает неуклюжие шаги, отпугивающие их (например, необходимость декларирования наличия двойного гражданства, ужесточение условий участия в программе возвращения соотечественников и вступления в гражданство, необходимость сдачи экзамена по русскому языку для получения разрешительных документов на работу, разрешения на временное проживание и вида на жительство в России). И тем более не рассматривает возможности лоббирования соотечественниками своих интересов в зарубежных странах. Условными примерами этнического лоббирования можно считать попытки мэра Риги отстаивать интересы русскоязычного населения в Латвии. Но в целом, конечно же, влияние русскоговорящих общин на социально-экономическую и политическую жизнь страны проживания крайне ограничено, практически отсутствуют «русские» организации, занимающиеся лоббированием интересов русскоговорящих общин, российского бизнеса, и тем более, России как государства.

Выводы. Таким образом, в отношении русских и граждан России, проживающих за границей, представляется целесообразным использовать не термин «русская (российская) диаспора», а термин «*русскоговорящие сообщества*».

Во-первых, «*русскоговорящие*», а не «*русские*», потому что основным объединяющим их признаком является русский язык, а отнюдь не этничность или страна происхождения. Именно всех тех, кто говорит по-русски чаще всего и считают русскими в принимающих странах, хотя среди них могут быть евреи, немцы, татары, чеченцы и др. Интересными феноменами можно назвать «русских немцев» в Германии (мигранты из бывшего СССР, имеющие немецкие корни, говорящие по-русски), «русские греки» (этнические греки из бывшего СССР), «русскоязычные мигранты» в Израиле (мигранты из всех стран бывшего СССР), «русские мусульмане» в Малайзии (чеченцы, приехавшие после распада СССР), «русские» в США, Канаде, Австралии, европейских странах (все кто приехал из всех стран бывшего СССР, независимо от этничности). И в этом случае для принимающего общества не имеет значения гражданство, этническая и религиозная принадлежность человека. Для него все они русские, в смысле люди, говорящие по-русски. Русский язык занимает шестое место в мире по распространенности – на нем говорят около 127 миллионов человек за пределами России. Данная цифра может служить максимальной оценкой численности русскоязычного населения за пределами России («русскоговорящего мира»). В эту категорию, однако, входят и иностранцы, которые знают русский язык, но не имеют этнических или исторических связей

с Россией. Например, во многих бывших социалистических странах (Куба, Монголия, Вьетнам, страны Восточной Европы) русский язык обязательно изучался в школах.

Во-вторых, *«сообщества», а не «диаспоры»*. Потому что консолидация среди русскоговорящего населения как типичное явление практически отсутствует. А формы общения между русскоязычным населением за границей имеют как правило неустойчивые и временные формы. Характерные признаки диаспоры русским практически не свойственны. Русские прекрасно интегрируются в принимающих странах, абсолютно не замыкаясь на собственной этничности. А в случае успешной интеграции даже склонны менять свою самоидентификацию. Наиболее ярким примером является «удивительное» сокращение численности русскоязычного населения в США. В 2000 г. называли себя русскими 2,6 млн. человек, в то время как в 1990 г. таковыми себя считали 2,9 млн. человек. Совершенно очевидно, что данное уменьшение происходило из-за смены идентификации представителей русскоговорящих сообществ с «русского» на «американца» вследствие успешной адаптации и ассимиляции в принимающем обществе. Например, в наших исследованиях мы зафиксировали случай в Сиднее, где программист-эмигрант последней волны из России, женившийся на гражданке Австралии, назвал сына Майклом (не Михаилом) и не хочет общаться с ним по-русски. Очень показательный, но, конечно, экстремальный случай – отец лишает ребенка знания дополнительного языка. Очевидно, что столь успешная ассимиляция русских в принимающих странах обусловлена их стремлением к интеграции, а также некоторыми объективными характеристиками мигрантов из России. Они, обычно, имеют высокий уровень образования, активны в бизнесе, прагматичны, легко приспосабливаются к новой ситуации, быстро осваивают язык. Практически не развита организованная государственная или общественная инфраструктура адаптации русских мигрантов за рубежом. Например, «русские» общественные организации, действующие за рубежом, выполняют функции «клубов по интересам» для уже адаптировавшихся мигрантов, нежели оказывают реальную поддержку вновь прибывшим мигрантам.

В-третьих, *«сообщества», а не «сообщество»*. Поскольку русскоговорящие группы крайне своеобразны не только в пределах принимающих стран, но даже отдельных регионов одного государства. Границы между ними порой возникают на самой разной почве и проходят весьма жестко, вплоть до конкуренции и даже отторжения. Приведем несколько наглядных примеров, обнаруженных в ходе экспедиционных исследований. Первый – в Австралии. Здесь сложились разногласия между разными сообществами русских иммигрантов: «харбинцами», «евреями из России» и «новыми русскими мигрантами». Второй пример – США. Здесь русскоговорящие сообщества представлены различными этническими группами: русские, украинцы, белорусы, казахи, узбеки, евреи и др. Такое этническое разнообразие не вносит единства в русскоговорящее сообщество. Организациям, занимающимся делами общин трудно выбрать культурные и ценностные ориентации, тяжело договорится по поводу политических процессов, происходящих в стране пребывания и стране происхождения. Когда начался военный конфликт на востоке Украины в 2014 г. произошел раскол между русскими и украинцами, проживающими в некоторых частях США (например, в Калифорнии). Они представляют собой очень разнообразную группу населения в этническом, религиозном, социальном и политическом отношениях. Русские эмигранты за рубежом оказались в разное время, выехав из России по разным причинам и в разных социально-экономических и политических условиях. Например, в числе эмигрантов из России, кроме этнических русских много евреев, немцев, украинцев, татар, чеченцев, армян и представителей многих других народов. Большинство из них говорят по-русски, поскольку прожили в России долгое время и несколько поколений. Русский язык – это вторая важнейшая характеристика мигрантов из России (кроме страны происхождения). Кроме того, русский язык – реальный социальный инструмент, скрепляющий русских за рубежом. В последнее время в разных странах активизировалась публикация газет и журналов на русском языке. Часто сами мигранты и их окружение называют «русскими» всех, кто имеет хоть какое-то отношение к России (родился там, приехал оттуда, его родители или прародители русские по происхождению, говорит на русском языке и пр.).

Программы поддержки соотечественников во многом лишены стратегии и не ориентированы на потребности самих русскоговорящих общин и реализуются в отрыве от ситуации в странах их проживания. В большинстве своем представляют собой набор стандартных мероприятий при посольствах, на которые выделяются значительные деньги из федерального бюджета. Даже такие структуры как Фонд «Русский мир» и Россотрудничество, которые, казалось бы, должны быть более гибкими в вопросах поддержки культурной, научной, образовательной деятельности русскоговорящих общин, зачастую используют устаревшие подходы, а порой и просто некорректные методы работы. Автор статьи в ходе полевых исследований в разных странах неоднократно сталкивался с практиками отсутствия поддержки реально работающих курсов русского языка, в то время как средства на эти цели в федеральном бюджете выделялись, но они просто не доходят до соотечественников. Совершенно неудивительно, что в этой ситуации выходцы из России и их потомки просто не хотят общаться с российскими государственными институтами.

Во-первых, хорошая идея привлечь соотечественников из-за рубежа в Россию на практике обернулась проблемами для многих из них в вопросах получения российского гражданства. Много примеров, когда, приехав в Россию, люди не могут годами стать ее гражданами. Или старожилы, которым не могут предоставить земли в обработку. Во-вторых, неплохая идея возвращения выдающихся российских ученых-эмигрантов, полностью дискредитировала себя на фоне бедственного положения и мизерной оплаты труда российских ученых, которые чудом сохранили научные школы, не эмигрировав ранее. В-третьих, запрет на усыновление детей гражданами США (закон «Димы Яковлева») выглядит крайне странным на фоне колоссального количества брошенных детей в России, которые никому не нужны и не будут никогда усыновлены российскими гражданами. Основной причиной столь непоследовательных действий государства в отношении эмиграции и диаспоры является то, что все перечисленные шаги (за исключением программы возвращения соотечественников) концептуально не вписаны в государственную демографическую и миграционную политику. В-четвертых, необходимость декларации наличия второго гражданства и банковских счетов в зарубежных банках для российских граждан может подтолкнуть к эмиграции некоторую часть населения из России. Наконец, в-пятых, многие действия государства в области работы с диаспорой и реэмигрантами носят разнонаправленный характер с другими шагами (или их отсутствием) в области социально-экономического развития. Привлечение из-за рубежа и использование ресурса диаспоры должны быть не самоцелями, а дополняющими инструментами социально-экономического развития страны. Нельзя привлекать ученых-эмигрантов из-за рубежа, не улучшая условия труда и исследований в науке. Неслучайно, концепция миграционной политики России до 2025 г. не может сказать ничего внятного относительно эмиграции. В документе эмиграция упоминается только вскользь в одном предложении: «Эмиграция из страны продолжается», но никакого рецепта ее сокращения не предлагается. Да собственно и не может быть предложено объективно по описанным выше причинам.

***Благодарности.** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10435 «Эмиграция из России и формирование русскоговорящих общин: новые тенденции, социально-демографические и экономические последствия»).*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авксентьев А.В., Авксентьев В.А. Этнические группы и диаспоры Ставрополя. – Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. Университета, 1997.
2. Джанозян С. Об определении понятия «диаспора» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ysu.am/files/07S_Jangozyan.pdf.
3. Вишневский А.Г. Распад СССР: этнические миграции и проблема диаспор// Общественные науки и современность. – № 3, 2000.

4. Все больше россиян задумываются об эмиграции. Исследование РОМИР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://romir.ru/studies/390_1348084800/.
5. Дятлов В., Мелконян Э. Армянская диаспора// Очерки социокультурной типологии/ Под общ. ред. А. Искандарян. – Ереван: Институт Кавказа, 2009.
6. Информация Консульского департамента МИД России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kdmid.ru/opendata/default1.aspx>.
7. Информация предоставлена Министерством иностранных дел Российской Федерации по официальному запросу Института социально-политических исследований в 2007 г.
8. Лемуткина М. Все за бугор!// Московский комсомолец. – 3 октября 2015. – № 216.
9. Пресс-конференция заместителя Генерального секретаря ООН Я. Элиассона 12 января 2016 г. в Нью-Йорке (США) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=25229#.V3jXmIt5kW3>.
10. Программа работы с соотечественниками, проживающими за рубежом от 19 ноября 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rs.gov.ru/sites/default/files/programma_raboty_s_sootech_2015-2017_3.pdf.
11. Рязанцев С.В., Гребенюк А.А. «Наши» за границей. Русские, россияне, русскоговорящие, соотечественники: расселение, интеграция и возвратная миграция в Россию. – М.: ИСПИ РАН, 2014.
12. Статистическая информация о численности и составе российских граждан, выехавших на работу за границу при содействии организаций, имеющих лицензии на этот вид деятельности за 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://limited.guvm.mvd.ru/about/activity/stats/Statistics/Statisticheskaja_informacija_o_chislenno/item/60535/.
13. Тощенко Ж. Диаспора как объект социальной политики// Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция. – М., 1997.
14. Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования// Социологические исследования. – 1996, № 12.
15. Численность и миграция населения российской Федерации в 2015 году. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_107/Main.htm.
16. Что ждёт Германия от русских немцев// Calgary Russian Community. – 4 ноября 2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zarubegom.com/chto-zhdyot-germaniya-ot-russkih-nemtsev/>.
17. Esman M.J. Diasporas and international relations, Modern Diasporas in international politics, New York, Croom Helm, 1986.
18. Esman M.J. Ethnic pluralism an international relations, Canadian review of studies in nationalism, Toronto, 1990, Vol. XVII, № 1–2.
19. International Migration Outlook OECD Paris 2015 [web resource](http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2015_migr_outlook-2015-en#page316).
20. Persons Obtaining Lawful Permanent Resident Status by Region and Country of Birth: Fiscal Years 2004 to 2013. Yearbook of Immigration Statistics 2013 [web resource] www.dhs.gov/sites/default/files/publications/ois_yb_2013_0.pdf.
21. State Immigration Data Profiles, United States, Demographics & Social, Washington, D.C., Migration Policy Institute, 2014 [web resource] <http://www.migrationpolicy.org/data/state-profiles/state/demographics/US>.
22. Statistical Abstract of the United States: 2012. Population, The U.S. Census Bureau, Suitland, 2012 [web resource] <https://www.census.gov/library/publications/2011/compendia/stat-ab/131ed.html>.
23. Yearbook of Immigration Statistics: 2014. Washington, D.C.: U.S. Department of Homeland Security, Office of Immigration Statistics, 2015 [web resource] (<https://www.dhs.gov/yearbook-immigration-statistics-2014-lawful-permanent-residents>).

**THE RUSSIAN-SPEAKING COMMUNITY AS A FACTOR
OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT RUSSIA: STATISTICS
AND GEOGRAPHICAL APPROACH TO THE ASSESSMENT**

Abstract. *The article discusses the features of emigration from the Russian Federation during 1990–2010-ies, that is, after the collapse of the USSR. Identified singularity-of modern accounting system of emigration from Russia and are given real-estimate of the number of Russian immigrants based on correction data of Federal Service of State Statistics data from countries receiving Russian migrants. Identified geographical features of the settlement of immigrants from Russia, as well factors, promoting the formation of the Russian-speaking communities abroad. Identified six types of identity that allows a rough estimation of the number of Russian-speaking communities. The article explains the term «Russian-speaking communities» instead of the term «Russian diaspora», which is supported by the results of empirical statistical and sociological studies. Russian-speaking community considered as a factor in the future capable of providing a stable functioning and development of the Russian economy and the state. However, it was concluded that at present, the Russian-speaking community resource is undervalued by the Russian state, and diasporal policy is ineffective.*

Key words: *Russian, statistics, emigration, the Russian-speaking community.*

REFERENCES

1. *Avksentev A.V., Avksentev V.A.* Etnicheskie gruppy i diasporyi Stavropolya [Ethnic groups and Diaspora of Stavropol] – Stavropol: Izd-vo Stavropolskogo gos. Universiteta, 1997.
2. *Dzhanoyan S.* Ob opredelenii ponyatiya «diaspora» [The definition of the term «Diaspora»] [web resource] http://ysu.am/files/07S_Jangozyan.pdf.
3. *Vishnevskiy A.G.* Raspad SSSR: etnicheskie migratsii i problema diaspor [The Collapse of the USSR: ethnic migration and the problem of diasporas] // *Obschestvennyie nauki i sovremenost.* – № 3, 2000.
4. Vse bolshe rossiyan zadumyvayutsya ob emigratsii [More and more Russians are thinking about emigrating] ROMIR [web resource] http://romir.ru/studies/390_1348084800/.
5. *Dyatlov V., Melkonyan E.* Armyanskaya diaspora [Armenian Diaspora] // *Ocherki sotsiokulturnoy tipologii/ Pod obsch. red. A. Iskandaryan.* – Erevan: Institut Kavkaza, 2009.
6. Informatsiya Konsul'skogo departamenta MID Rossii [Information of Consular Department of the MFA of Russia][web resource]. <http://www.kdmid.ru/opendata/default1.aspx>.
7. Informatsiya predostavlena Ministerstvom inostrannyih del Rossiyskoy Federatsii po ofitsialnomu zaprosu Instituta sotsialno-politicheskikh issledovaniy v 2007 [Information provided by the Ministry of foreign Affairs of the Russian Federation at the official request of the Institute of socio-political studies in 2007].
8. *Lemutkina M.* Vse za bugor! [All over the hill!][// *Moskovskiy komsomolets.* – 3 oct. 2015. – № 216.
9. Press-konferentsiya zamestitelya General'nogo sekretarya OON Ya. Eliassona 12 yanvarya 2016 v Nyu-Yorke [Press conference of Deputy UN Secretary-General J. Eliasson, January 12, 2016 in new York (USA)][web resource].
10. Programma raboty s sootchestvennikami, prozhivayuschimi za rubezhom ot 19 noyabrya 2014 [The program of work with compatriots living abroad of 19 November 2014] [web resource] http://rs.gov.ru/sites/default/files/programma_raboty_s_sootech_2015-2017_3.pdf.
11. *Ryazantsev S.V., Grebenyuk A.A.* «Nashi» za granitsey. Russkie, rossiyane, russkogovor-yaschie, sootchestvenniki: rasselenie, integratsiya i vozvratnaya migratsiya v Rossiyu [«Our» abroad. Russian, Russians, Russian-speaking compatriots: resettlement, integration and return migration to Russia] M.: ISPI RAN, 2014.

¹ Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Demography of the Institute Social and Political Studies of the RAS; e-mail: riazan@mail.ru.

12. Statisticheskaya informatsiya o chislennosti i sostave rossiyskikh grazhdan, vyiehavshih na rabotu za granitsu pri sodeystvii organizatsiy, imeyuschih litsenzii na etot vid deyatel-nosti za 2015 g. [Statistical information on the number and composition of Russian citizens who left to work abroad with the assistance of the organizations having a license for this activity for 2015] [web resource]. http://limited.guvm.mvd.ru/about/activity/stats/Statistics/Statisticheskaja_informacija_o_chislenno/item/60535/.
13. *Toschenko Zh.T.* Diaspora kak ob'ekt sotsialnoy politiki [Diaspora as an object of social policy] Postsovetskoe prostranstvo: suverenizatsiya i integratsiya. – M., 1997.
14. *Toschenko Zh.T., Chapyikova T.I.* Diaspora kak ob'ekt sotsiologicheskogo issledovaniya [Diaspora as an object of sociological research// Sociological studies] Sotsiologicheskie issledovaniy. – 1996, № 12.
15. Chislennost i migratsiya naseleniya rossiyskoy Federatsii v 2015 godu [The number and migration of population of the Russian Federation in 2015] M.: Federal-naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki, 2016 [web resource]. http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_107/Main.htm.
16. Chto hochet Germaniya ot russkikh nemtsev [What awaits Germany from Russian Germans]// Calgary Russian Community. – 4 nov. 2013. – [web resource] <http://zarubegom.com/chto-zhdyot-germaniya-ot-russkikh-nemtsev/>.
17. *Esman M.J.* Diasporas and international relations, Modern Diasporas in international politics, New York, Croom Helm, 1986.
18. *Esman M.J.* Ethnic pluralism an international relations, Canadian review of studies in nationalism, Toronto, 1990, Vol. XVII, № 1-2.
19. International Migration Outlook OECD Paris 2015 [web resource] (http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2015_migr_outlook-2015-en#page316).
20. Persons Obtaining Lawful Permanent Resident Status by Region and Country of Birth: Fiscal Years 2004 to 2013. Yearbook of Immigration Statistics 2013 [web resource] www.dhs.gov/sites/default/files/publications/ois_yb_2013_0.pdf.
21. State Immigration Data Profiles, United States, Demographics & Social, Washington, D.C., Migration Policy Institute, 2014 [web resource] <http://www.migrationpolicy.org/data/state-profiles/state/demographics/US>.
22. Statistical Abstract of the United States: 2012. Population, The U.S. Census Bureau, Suitland, 2012 [web resource] <https://www.census.gov/library/publications/2011/compendia/stat-ab/131ed.html>.
23. Yearbook of Immigration Statistics: 2014. Washington, D.C.: U.S. Department of Homeland Security, Office of Immigration Statistics, 2015 [web resource] (<https://www.dhs.gov/yearbook-immigration-statistics-2014-lawful-permanent-residents>).

УДК 528.946+551.504.3.054

Е.А. Божилина¹, А.А. Ильин²

РАЗРАБОТКА КОМПЛЕКСНОЙ КАРТЫ ЗАГРЯЗНЕНИЯ АТМОСФЕРЫ ДЛЯ КЛЮЧЕВОГО УЧАСТКА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Резюме. В работе предложено построение комплексной карты загрязнения атмосферного воздуха на примере ключевого участка Красноярского края. Для создания карты

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, кафедра картографии и геоинформатики, Москва, 119991, Россия, доцент, канд. геогр. н.; e-mail: bozilina@mail.ru.

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, кафедра картографии и геоинформатики, Москва, 119991, Россия, магистр; e-mail: _aleha_92@inbox.ru.